

Александр Вяземка

КОНРАД ТОМИЛИН И ТИТАНЫ ЗЕМЛИ

ПЛАТО

Александр Вяземка
**«Конрад Томилин
и титаны Земли» «Плато»**

«Издательские решения»

Вяземка А.

«Конрад Томилин и титаны Земли» «Плато» / А. Вяземка —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746772-2

Человек приходит в Мир готовым отдаться ему, а Мир удивляется и говорит: «Ты не нужен мне. Но раз уж пришел, так и быть, оставайся, но где-нибудь там, в сторонке». Звучит оптимистично? Нет? Но ведь знакомо? Легко ли быть человеком в великую технологическую эпоху, когда зубная щетка соперничает с людьми в интеллекте? Легко ли быть Дьяволом во времена, когда бессмертность плоти делает неуязвимой душу? Вопросы, вопросы, вопросы... Будут и ответы.

ISBN 978-5-44-746772-2

© Вяземка А.
© Издательские решения

Содержание

Конрад Томилин и титаны Земли	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Конрад Томилин и титаны Земли. Плато Александр Вяземка

© Александр Вяземка, 2016

© Александр Лопатин, дизайн обложки, 2016

Корректор Александра Конькова

Художник Валерий Чупахин

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Конрад Томилин и титаны Земли

1

По меркам Наиновейшего времени Конрад Томилин был молод, практически – молоко-сос. Ему едва-едва исполнилась одна тысяча лет.

До наступления эпохи Наиновейшего времени все в истории человеческой цивилизации было размеренным, естественным и последовательным. Поколения сменяли поколения. Каждое было хуже предыдущего, но лучше следующего. Правда, ни одно последующее поколение подобного мнения о себе со стороны предыдущего не разделяло, хотя охотно соглашалось со скептическим взглядом на поколения, его сменяющие.

Каждое из них дарило миру своих гениев – и, разумеется, злодеев – и со временем перебиралось в небытие. Периодически, в зависимости от потребностей текущего момента, из нафталина небытия, бывало, какое-нибудь из них извлекали, проветривали, подлатывали. После чего отправляли в небытие повторно.

Чаще всего с упоминанием того или иного поколения всплывали не имена добросовестно служивших своему делу дворников, механиков или фермеров, а имена людей, искавших славы и беззаветно преданных ей. Среди таких людей особый трепет и отзвуки в душе Конрада Томилина рождали имена корифеев театральной сцены и кино.

В каждой профессии, в каждой гильдии на корифеев молились и их ненавидели. Молились на них, как правило, люди посторонние, среди же коллег – личности посредственные, без амбиций. А ненавидели те, кому присутствие мастера не давало возможности реализовать свой потенциал, не всегда незначительный. Нет такого признанного мастера, который не опасался бы появления соперников, способных отнять у него часть славы. Поэтому славу стерегли. От нее отгоняли. Ради нее не гнушались подлостью.

Молодым да питающим надежду оставалось полагаться только на Природу. И она не подводила. Пусть смена авторитетов и проходила медленно, но она была неизбежной. Разумеется, корифеи всячески пытались оттянуть момент выхода на пенсию или перехода в мир иной, однако в конечном счете то было лишь отсрочкой неминуемого.

Но однажды случилось непоправимое: какой-то чокнутый профессор изобрел эликсир бессмертия. Прошу обратить внимание: не долголетия, что еще куда бы ни шло, а именно бессмертия. И началось...

Началось все с вечных монархов. Вскоре компанию им разбавили вечные президенты. Охотно в выборах участвующие, но отчего-то несменяемые.

Так, Мошковойей, интересующей нас в связи с судьбою героя данного повествования республикой, ютящейся на одной из равнин Ефрасии, бессменно руководил Гениальный Секретарь Матфей Григорьевич Пржежний. За то бесчисленное число тысячелетий, что он стоял у штурвала, руля и кормила, отгоняя от них веслом назойливых конкурентов, у Матфея Григорьевича набралось такое число государственных и общественных наград, что на фронте его пиджака места для них уже не оставалось. Поэтому во время официальных церемоний к полам пиджака крепилась особая ковровая дорожка, выложенная наградами, не нашедшими себе места на груди орденосца.

Дурной пример заразителен, посему вечными вождями дело, естественно, не ограничилось, и на тысячелетия властителями душ, умов и всех сопутствующих материй стали одни и те же режиссеры, телеведущие, писатели, актеры, спортсмены. Будучи истинными охотниками за славой, за свой трофеей они держались мертвой хваткой. Это породило угрозу переизбытка трудовых ресурсов в кино, спорте, на телевидении – из-за постоянного роста числа посягающих на позиции тех, кто пришел раньше и все имеющиеся места занял.

Разрешить ситуацию можно было либо запретами, либо позволив страждущим заниматься любимым делом поочередно. Мировое Здравомыслящее Правительство, состоящее сплошь из несменяемых здравомыслящих мировых правителей, в очередной раз подтвердило неслучайность своего названия, пусть и в ущерб справедливости: для каждой профессии была учреждена своя закрытая гильдия, а стать ее членом можно было, лишь сдав соответствующий экзамен. Стоит ли говорить, что экзамен принимался теми, кто разбирался в тонкостях профессии, то есть самими членами гильдии, которые в ее расширении заинтересованы, конечно же, не были. Как говаривали злые языки недовольных: «Право на выбор есть. Чего нет, так это самого выбора».

Достигнув бессмертия, люди стали как-то странно относиться к жизни. С одной стороны, бессмертие повергло немалое их число в отчаяние, от которого они предпочитали избавляться уходом из жизни. Так продолжалось до тех пор, пока не остались лишь личности, наделенные крепкой психикой и способные выдержать испытание вечностью.

С другой стороны, прекратились попытки освоения соседних миров, даже ближайших к Земле планет: слишком часто попытки эти заканчивались гибелью пионеров. Пока жизнь имела свою осязаемую конечность, она зачастую не ценилась слишком высоко. Бесконечность же сделала ее бесценной как никогда.

Итак, в связи с тем, что все храбрецы и самоубийцы либо перевелись, либо извели себя, и в космос никого нельзя было выгнать ни за какие коврижки и награды, Земля столкнулась с новой напастью: к восемнадцати миллионам намеревающихся жить вечно землян ежегодно прибавлялись новые сотни тысяч. Племя человеческое окончательное превратилось в бремя Земли.

Остаться в стороне от подобного безобразия Мировое Здравомыслящее Правительство не смогло, хоть всячески и удерживало себя от вмешательства, до последнего рассчитывая на решимость национальных властей. Те, однако, только хитро косились друг на друга, но предпринимать какие бы то ни было запретительные меры не спешили.

Понимая, что дело идет уже не к проблеме, а фактически к катастрофе, Мировое Здравомыслящее Правительство реорганизовалось в Правомыслящее и ввело всемирный запрет на рождение детей. Все взрослые и достигающие половой зрелости подверглись принудительной стерилизации. Отныне рождение ребенка было возможным лишь в качестве замены погибшему. Но это уже не было рождением в природном его понимании. Новый ребенок являлся просто клоном человека, чей земной путь был прерван, благодаря чему этот путь мог возобновиться в его копии.

Сам Конрад был клоном человека, исчезнувшего при довольно туманных обстоятельствах, – официальная версия внятных разъяснений не давала. Все попытки Конрада выяснить, что за человек был Конрад Томилин-Версия 0.1 Оригинал, оказались безуспешными. Родители его умерли еще до изобретения эликсира. Никто из возможных родственников с ним не связывался. Личные же архивы прообраза были уничтожены до того, как Конрад заинтересовался вопросом своего происхождения: объемы информации, накопленные не только человечеством, но и отдельными его членами, были таковы, что серверные поля уже не справлялись с ними.

В целом запрет на рождение показал себя очень даже неплохой идеей. Население Земли состояло теперь почти целиком из зрелых, ответственных личностей. Времена, когда улицы многих городов были во власти буйных юнцов, прошли. И слава богу! Я еще помню – хотя уже и весьма смутно – эпоху, когда футбольные фанаты, то есть шпана, группировавшаяся по принципу: «Нет команды лучше нашей, потому что за нее болею я!» – громили стадионы и города, калеча и убивая друг друга. Почему-то это называлось праздником футбола.

Помимо перенаселения бессмертие не могло обойти стороной еще одну напасть человечества – войны. Открытие эликсира моментально свело на нет число согласных расплатиться жизнью за чужие территориальные, экономические или лирические аппетиты. «Дураков

нет!» – «Нет?» – «Нет!» Вот так лекарство для бессмертия не только спасло людей от смерти, но и покончило с дураками.

Для составителей учебников и пособий по истории прекращение всех войн и схожих потрясений стало профессиональной трагедией. До этого момента именно войны, перевороты и революции являли собой главные вехи не только почти любого исторического труда, но и самой истории. С их исчезновением с исторической сцены их место в учебниках заняли биографии наиболее скандальных звезд спорта, кино и шоу-бизнеса, особенно – победителей в номинации «Высочка года».

Исчезло и профессиональное образование. Если немногочисленным школам еще как-то удалось сохраниться – просто по причине периодического появления детей-клонов, – то сохранить техникумы и институты оказалось невозможным. Дать образование ребенку было долгом государства и общества, но содержать вузы, рассчитанные на обучение двух-трех студентов за столетие, оказалось непозволительной роскошью.

Профессиональное образование заменили наставники. Новорожденному клону отводилась карьера в гильдии, членом которой когда-то был и сам оригинал – конечно, при соответствии способностей клона требованиям профессии. Переход из одной гильдии в другую не запрещался, но, как уже упоминалось, жестко регулировался.

Конрад, унаследовавший от своего прообраза профессию агента по недвижимости, трудился в основанном им почти девятьсот восемьдесят лет назад ООО «Ифан Фасильефич Меняют Квартиру». За это время он успел помочь прикупить новое жилье всего трем Ифанам Фасильефичам: Ифаны Фасильефичи попадались нечасто, а прибегали к услугам ООО и того реже. Поэтому сказать, что все девятьсот восемьдесят лет Конрад «трудился», было бы изрядным преувеличением. В действительности все это время он мечтал...

Он грезил о свете софитов, неистовых аплодисментах и рыдающих зрителях. Он был ничуть не меньшим поклонником славы, чем последний актер никому неизвестного провинциального театра. Слава, правда, пока держалась к нему спиной. Но это, он твердо верил, лишь до поры до времени...

В ожидании же наступления этого момента чуда он сам заходил в неистовых аплодисментах, он сам был рыдающим зрителем, его глаза сияли ярче любого софита. Он боготворил актеров, даже весьма посредственных. Его кабинет, стены которого были увешаны отпечатанными на сверхдолговечном субпластике портретами служителей Мельпомены, киноафишами и театральными программками, напоминал офис антрепренера, но никак не рабочее место спекулянта недвижимостью.

Приблизить момент встречи Конрада с подмостками, а заодно и славой, взялся Пафл Пафлыч Мимосадов. Пафл Пафлыч отличался не только популярностью и преданностью профессии актера, но и своей доступностью для простого человека. Каждые пять лет гильдия актеров Мошковой проводила вступительные экзамены. Экзаменуемых всегда хватало с избытком, в связи с чем экзамены обычно растягивались на несколько недель. На число желающих не мог повлиять даже тот факт, что в гильдию редко кому удавалось пробиться – не более чем одному-двум счастливым за столетие.

За два дня до одного из таких экзаменов – своей сто сорок четвертой попытки после ста сорока трех провалов – Конрад пил чай в компании Пафла Пафлыча, своего звездного репетитора. После вечера, проведенного за прогоном экзаменационного материала, пить чай на летней веранде, утопающей в сумерках остывающего дня и стрекотании понимающих толк в музыке насекомых, было блаженством.

Сегодня Конрад был великолепен как никогда – в течение всего урока с лица Пафла Пафлыча не сходила улыбка, а с губ то и дело срывались восторженные комплименты.

Сам Пафл Пафлыч готовился к очередной звездной роли: в фильме «Чужой-296» ему предстояло сыграть правителя Чужих. Будучи сторонником школы активного реализма, Пафл Пафлыч готовился сыграть эту роль без грима и компьютерных эффектов. В свое время для роли Ихтиандра в фильме «Человек с бульвара Ихтиозавров» ему с помощью генетиков удалось отрастить жабры. Теперь с их же помощью Пафл Пафлыч должен был в течение нескольких месяцев преобразоваться в одного из монстров расы Чужих.

Конрад промокнул салфеткой пот, выступивший на лбу от чая и смешавшийся с потом, обильно оросившим его лоб еще во время репетиции. Определенную потливость, как ему казалось, вызывала в нем и внешность Пафла Пафлыча. Находиться с ним наедине было немного жутковато. Окончательно в Чужого Пафл Пафлыч еще не превратился, но и на человека более почти не походил.

– Я еще помню времена, когда чай пили из самовара, – проурчал знаменитый актер, сладко щурясь на последний лучик проваливающегося за горизонт солнца. – Был прибор такой. Заливаешь в него воду, а выходит чай.

– А в чем фокус?

– А в том... В самоваре использовался настоящий чайный лист, а не пищевой картридж, из которого моя электронная кухарка и ватрушек нам этих наладила, и варенья к чаю, и сам чай. Да... были времена. Магазины были как вот этот стол – настоящие. В них можно было зайти и побродить среди полок с товаром. А товару было... Это сейчас картриджи только остались. А раньше... Еду ведь выращивали. Да, представь себе. Зайдешь в магазин, а там... И творог. И мука. И... э... варенье. И чай. И картофель. И помидор. И огурец. И чего только нет! Господи, как же давно это было! Господа нет, а мы до сих пор поминаем имя Его. Какова все-таки у меня память, а? Это ж все было так давно, что непонятно, как память вообще в состоянии хранить воспоминания о тех временах.

– Времена Новой Античности?

– Ее самой. Я еще отлично помню ту эпоху. Тогда Британские острова лежали где-то на широте Париша... Это потом уже англичане перетасили их к Испании. Холодно им, видите ли, было. Дожливо и тоскливо. Шотландцы-то, само собой, заупрямились и перетаскиваться куда бы то ни было наотрез отказались. Кинулись ров рыть. Разъединительный. Республиканцы Шкверной Ирландии поначалу тоже отказались, но после того как Южная Ирландия план поддержала, согласились и те и другие... А Мошква наша тогда и вовсе была столицей непомерно громадной страны. И называлась, вроде, иначе. Мофква что ли? Или Моцква? Не помню. А ведь я, между прочим, коренной мошквич в четвертом локте. Или наколеннике? Не помню. Ни к черту память!

– Вы же только что жаловались, что она у вас слишком хорошая.

– А память такая штука – ею никогда не можешь быть доволен.

Пафл Пафлыч вылакал из блюдца остатки чаю – вылакал явно без удовольствия – и застыл в задумчивости. Конрад также молчал. У него были свои мысли, которые тоже требовали тишины и вдумчивости.

– Я так устал, мой мальчик... – неожиданно произнес Пафл Пафлыч надломленным голосом.

Конрад вздрогнул и бросил тревожный взгляд на своего учителя: не примерещились ли ему эти слова? Нет, не примерещились: на лице Пафла Пафлыча, в его взгляде, движениях действительно читалась многовековая усталость, которую никакие дозы эликсира вытравить были не в состоянии. Соответственно, играть персонажей, налитых юностью и энергией, он и его ровесники не могли. Но играли.

– В это трудно поверить, но, прожив столько лет, я не могу сказать, что мудр, – великий актер тяжело вздохнул. – Я мудр лишь настолько, насколько мне позволяет быть мудрым обще-

ство. А общество навязывает нам свою мудрость. По-настоящему мудр лишь тот, чья мудрость не зависит от общественной.

Многочисленный повтор слов «мудрый» и «мудрость» подействовал на Конрада словно заклинание: он оцепенел под грузом своей собственной молодости, неопытности и незначительности, молча внимая полумифическому существу, столь же древнему, как, вероятно, сам Космос, но снизошедшему до разговора с ним.

– А может, мы стали умнее? Нет. Я точно не стал, – меланхолично продолжил Пафл Пафлыч. – Я могу сыграть тебе хоть пятилетнюю девочку, хоть хорька. Но однообразие занятий, погоня за одним и тем же зайцем в итоге отупляют. На что мне эта слава? Ведь никуда не выйдешь! Двенадцать тысяч лет карьеры... С каждым жителем Мошквы, почитай, знаком. Это ужасно. Каждый норовит подойти и потрепаться, а ты потом мучайся: «Кто это был?» Вот ты, конечно, полагаешь, артистом или другой какой знаменитостью быть легко. Полагаешь ведь? Вот... Художников и ученых уважают и ставят в пример до тех пор, пока они не выскажутся о своих политических взглядах. А потом? Затравят! И либеральная пресса затравит. И правительственная. Получается, не могу я взгляды иметь? Мнение свое личное высказывать? Теперь только на кухне его и выскажешь. Спасибо и на этом. Да взять даже Гениального Секретаря. Он уже забыл, каков он на самом деле, а мы этого и не знали. С этим круглосуточным каналом, посвященным его жизни, ему теперь приходится играть и днем и ночью. Ему постоянно приходится доказывать свою состоятельность и смелость, а ведь понятно, что у по-настоящему смелого и состоявшегося человека нет необходимости доказывать это снова и снова. Причем не зрителю даже доказывать, а себе. Что есть слава? Зачем она? Слава утомляет не меньше прожитых лет. С другой стороны, хорошо, когда работа и романтика – суть одно и то же. Есть у меня дружок, Фима Эрин, известный пианист – ты, конечно, слышал. На вид неказист, что стоптанный ботинок, но как играет!.. Если положит взгляд на красавицу – пропала красавица. Пригласит ее на концерт – и что ты думаешь? – она ему охапку цветов тащит! Ты можешь себе такое представить? Женщина дарит мужчине охапку роз! А у него выходит. Вот ведь... Кбня, ну, зачем тебе в актеры? Может, ну его, а? Может, попробуешь в пианисты? Коня, Коня... Ты ж мне как сын родной, почитай, стал. Актер бы из тебя толковый вышел. С другой стороны, мне все это надоело. Куда еще стремиться? К каким наградам? Куда расти? Все, вырос. Дальше не растут. Понимаешь, к чему я, а?

Голова человекозавра оскалилась в ухмылке и, как не без внутреннего трепета заметил Конрад, хищно облизнулась. Конрад на всякий случай пододвинул к Пафлу Пафлычу корзиночку с пирожками и мясную закуску.

– Но все равно... наш мир лучше Рая. В Раю все течет само собой, независимо от нас. Наш же мир мы создаем сами. Этим он и прекрасен... Отыграй послезавтра хорошо, дружок. Как ты можешь, а? Ведь ты можешь! – Пафл Пафлыч просительно подался вперед. – А я уж за тебя замолвлю словечко. Попробую убедить остальных, что ты мне отличной заменой будешь. И ведь вправду будешь. Есть, есть в тебе искра таланта. Можешь ты вспыхнуть, загореться и зажечь все вокруг там, где другие гаснут...

Пафл Пафлыч продолжал урчать комплименты, но Конрад его уже не слышал. Он застыл, зачарованный приближением столь долгожданного момента. Всё. Свершилось. Переживания, страдания, непонимание – в прошлом. Отныне только он и новый мир, в который он так рвался, и который наконец открывается ему. Только он и новый мир. Новый мир, новый мир, новый мир...

2

В окно офисного коттеджа продолжал заглядывать и строить рожицы погожий солнечный денек. Работы, как всегда, не было. Что было очень кстати, поскольку работать все равно не хотелось.

Видеоканал «Секретарь-ТВ» транслировал встречу Гениального Секретаря с избирателями. Матфей Григорьевич Прежний раздавал банковские чеки всем дающим торжественную и подтверждаемую подписью ДНК клятву проголосовать за него на ближайших выборах. Конрад такой чек уже получил. Деньги были сразу же потрачены на оплату долга по аренде коттеджа и коммунальным услугам.

– Лукаш, – Конрад повернулся к своему партнеру, шеголявшему взъерошенной бородкой и антикварными очками, которые ему были абсолютно ни к чему, но Лукаш был серьезно болен манией, присущей многим андроидам: он собирал всякий древний хлам и по возможности старался пользоваться им в повседневной жизни, – ты и другие андроиды ведь граждане, так? Почему же вы не участвуете в выборах?

– Вообще-то отказ от претензий на участие в выборах был одним из условий предоставления нам права называться гражданином.

– То есть вам дали право называться гражданином, но не быть им. Чувствуешь подвох?

– Нет.

– Эх ты, дубовая голова!

– Титановая.

– Не вижу разницы.

– А в чем, собственно, дело? – Лукаш обиженно взъерошил бородку, копать в которой доставляло его тактильным нейронам чрезвычайное удовольствие.

– А в том. Ты бы тоже мог получить чек. Сам знаешь, как у нас туго с деньгами. Слушай, а как ты думаешь, это нормально, что он раздает государственные деньги, чтобы снова выиграть?

– Давай разберемся. Вот смотри, у государства есть деньги. Ты бы хотел, чтобы оно поделилось ими с тобой?

– Конечно. Разве у меня нет прав на часть средств родного государства?

– Вот оно и делится. А каким образом это происходит, второстепенно. Просто тебе не нравится, что не ты решаешь, каким образом эти деньги до тебя доходят. Так ведь?

Конрад задумался, стараясь разобраться, есть ли в словах робота логика и, если есть, способен ли он принять ее в предложенном виде.

– Ты все переживаешь из-за того, что у нас офис за городом, а не в черте каменного пояса Мошквы? – сочувственно справился Лукаш. – Брось! Мне здесь нравится: природа в окна лезет! Тебе повезло, что ты живешь среди зеленых, а не бетонных насаждений. Только ты этого не понимаешь. Открою тебе секрет: когда-то Нуворишское шоссе было самым престижным пригородом Большой Мошквы. Это уже потом оно пришло в упадок, и его застроили дешевыми коттеджами. А раньше тебя отсюда и коврижками медовыми не отвалили бы. Кстати, Мариша приготовила тебе пирожков, но я их опять забыл. Извини.

Мариша, супруга Лукаша, работала в финансово благополучной корпорации и не только фактически содержала квартиру и мужа, но и подкармливала его напарника.

– Ничего, – мужественно ответил Конрад. – На голодный желудок буду только злее для завтрашнего дня. От меня завтра нужен будет подвиг, а на подвиг способен лишь злой и голодный.

Чтобы отвлечься от мыслей об ускользнувшем обеде, Конрад высунулся в окно. С крыльца расположенной по соседству с их домиком мини-клиники наркологической помощи ООО «Ифан Фасильевич Пропивают Квартиру» за ним с интересом принялись наблюдать три пары глаз.

В целом Конрад и Лукаш своим соседям немного завидовали. Дела клиники шли намного бойчее: Ифаны Фасильевичи уходили в запой гораздо чаще, чем задумывались о смене места жительства. Конрад слышал, что главврач клиники даже смог прикупить одну из новинок рынка бытовой техники – видеопанель с плоским изображением и живым, аналоговым зву-

ком вместо цифрового. Конраду же по-прежнему приходилось довольствоваться видеовизором с пятимерным изображением и ароматическим сопровождением, сильно мешающим восприятию многомерно интеллектуального кинематографа. Более же всего в видеовизоре Конрада раздражала излишняя материальность транслируемого. Герои передач, новостей и фильмов чувствовали себя чересчур вольготно: постоянно норовили пощупать, а то и ущипнуть Конрада с вопросом: «А ты правда настоящий?» – хозяйничали у него на кухне, пытались, бывало, закрутить с ним интрижку, а раза три даже поколотили.

Самодовольные лица на соседнем крыльце нагоняли тоску. Конрад отвернулся и не без удовольствия окинул взглядом дышащую добродушием фигуру своего напарника, сопящего над деревянной заготовкой, из которой выходил то ли кривой гриб, то ли не менее кривой зонтик – Лукаш как-то показывал ему такую вещицу, откопанную им на развалах у старьевщиков. От дождя, что ли, этот зонтик защищал или, наоборот, для притягивания дождя служил... Кстати, что там с погодой? На небе ни облачка, как и обещали. Дожди в июне давали дважды в неделю. Значит, до понедельника в небе будет лишь солнце. Ну, и ладно...

Конрад вновь перевел взгляд на лицо андроида, на этот раз – активировав визуальное проецирование данных код-распознавателя. В левой половине поля зрения высветился знакомый текст:

Имя: Лукаш.

Отчество: ППФ.

Фамилия: 32.02.07.

Класс модели: Колоссальный суперандроид.

Статус: Гражданин.

Конрад забросил в рот половинку оставшегося со вчерашнего дня крекера. Пробегавший вдоль стены таракан приостановился было на хруст крошащегося печенья, но, передумав, засеменил дальше. На экране справки у Конрада проступила надпись:

Имя: Синефит.

Отчество: Полиморфич, Бонитофич, Снафотофич.

Фамилия: Трамп.

Класс модели: Черный тараканище.

Статус: Не ел три дня.

– Слушай, Лукаш, а ты знал... ты знаешь, что у тараканов тоже есть имена и фамилии?

– Если они есть у каждого дерева, чего же им не быть у тараканов?

Конрада подобная доступность сведений обо всем и обо всех немного пугала. Правда, объяснить себе корни этой тревоги он был не в состоянии. Нужно ли знать все обо всем и обо всех? Да, нужно. По крайней мере, желательно к этому стремиться. Познанный мир предсказуем и безопасен. Это именно тот мир, в котором жить и творить комфортно. Это древнейшая мечта человека – познать мир, классифицировать, отрегулировать. Тогда что, что может смущать в таком подходе? Возможность собственного несоответствия такому миру? Только если это...

– Вот нас вводят в этот мир, – заметил Конрад вслух, чувствуя необходимость отчитаться в своем соответствии миру, за неимением более значимой аудитории, хотя бы перед Лукашом. – Но это только начало. Надо доказать, что ты стоишь его. А для этого – родить себя для человечества. Не как существо родить. А как личность. Завтра, завтра, мой друг, несуразная гусеница Конрад станет той прекрасной бабочкой, которой хочет видеть его мир. Той прекрасной бабочкой, которой мечтает увидеть себя он сам.

– А? – на пару секунд Лукаш оторвал озадаченный взгляд от поделки.

– Надеюсь, я тебя не очень утомляю. Просто пытаюсь тебя своими глупостями развлечь. Потому что умностями небогат.

– Ничего, ничего – ты меня отнюдь не утомляешь... и не отвлекаешь... – отчего-то смущенно забубнил Лукаш. – Да, у бабочек тоже прописаны имена и фамилии. Не уверен, правда, что они об этом знают. Но это уже второстепенно. Главное, что Клеймо знает о них все.

Конрад понял, что разговор сегодня не удастся. За невероятно долгую историю развития, а затем – и саморазвития, андроиды не только обрели интеллект, равный человеческому. Каждый из них отличался теперь ярко выраженной индивидуальностью, собственной системой предпочтений, политических взглядов и личных привязанностей. Привязанность Лукаша 32.02.07 к Конраду Томилину была поистине братской. Однако если Лукаш бывал занят антиквариатом или поделками, он становился рассеян, угрюм, а порой и раздражителен.

Не отвлекаясь более на слова, Конрад подключился к радиоточке информационного доступа. На экране внутреннего визуального проектора поползла строка краткой справочной статьи:

«Колоссальный суперандроид – класс модели, возникший на биопсихологической платформе малого суперандроида. Отличается от малого склонностью сочетать неприятное с бесполезным...»

Читать дальше Конрад не стал. Справка была читана им не один десяток раз. Указанная склонность и еще ряд отличий возникли у одной из линий суперандроидов вследствие мутаций при самовоспроизведении. Программируемой корректировке мутации поддавались лишь частично, но вследствие их безобидности от попыток корректировки со временем отказались. Андроидам, включая суперандроиды, мутационное эволюционирование было несвойственно. Поэтому, принимая во внимание колоссальную исключительность произошедшего, за мутантами закрепилось наименование «колоссальные суперандроиды».

Строго говоря, изобретение Клейма было не столько прихотью человека, сколько потребностью со стороны андроидов. Сталкиваясь с неизвестным предметом, существом или явлением, человек испытывал любопытство. Или не испытывал ничего. Андроид же неизменно подвергался приступу паники вследствие того, что он привык обитать в информационно насыщенном пространстве. Отсутствие каких бы то ни было сведений о внезапно возникшем предмете, существе, явлении внушало ему мысли о собственной уязвимости и зависимости от обстоятельств там, где человек сохранял полную невозмутимость и ни малейшей потребности в панике не ощущал.

В случае с представителями растительного и животного мира Клеймо представляло собой набор базовой идентифицирующей информации, заключенной в ДНК. В потомстве «клеимых» растений и животных информация воспроизводилась биомолекулами самостоятельно. А вот из-за невозможности поголовного «клеимения» прокариотов и мельчайших растительных и животных организмов от их «клеимения» пришлось отказаться.

Если бы принцип Клейма был описан в каком-нибудь научно-фантастическом произведении до его непосредственного изобретения, любой серьезный ученый или просто человек с головой лишь рассмеялся бы. Однако теперь Клеймо вошло в число самых обыденных вещей и более не занимало умы своей новизной и неправдоподобностью.

В принципе, как часто уверял себя Конрад, ничего страшного в ношении Клейма не было. Оно лишь давало возможность получить сведения об объекте внимания при пассивном участии самого объекта – простом его присутствии: точно так же, как если бы объект поздоровался и лично представился. Клеймо позволяло экономить время и не отвлекаться на...

Конрад закусил губу и украдкой покосился на Лукаша.

«Тут есть какая-то загадка. Или нет? – подумалось ему. – Было бы обидно, если б ее не было. Тогда зачем все эти регистраторы статуса? Так... чтобы просто снимать показатели температуры общества, как снимают показатели погоды? Само собой, не я один об этом задумывался. Все об этом задумывались. И те, кто поумнее меня, знают ответ. Или по крайней мере выработали какое-то логическое и законченное умозаключение. Наверняка, у Лукаша

есть своя версия. А может, ему известна правда до самых корней. У андроидов неприлично мощный интеллект. Представляю, как им обидно, что это они служат человеку, а не мы – им».

– Лукаш... – позвал Конрад вполголоса.

Тот не отзывался, с досадой разглядывая неудавшийся гриб с переломившейся ножкой.

– Лу...

– Я знаю, что ты хочешь спросить, – наконец ответил робот. – Я тебе скажу так. Есть мнение, что любая система хаоса несравненно более устойчива, чем любая система порядка. К тому же любая система порядка, предоставленная самой себе, стремится к хаосу. Нужно ли из этого делать вывод, что порядок не должен поддерживаться искусственным путем, а все должно быть пущено на самотек? То есть отдано на съедение всепожирающему, не знающему пресыщения хаосу? Некоторые считают, что да, именно такой вывод и следует и что именно его и требуется воплощать на практике.

– Но ты к ним не относишься?

– Нет. Хаос означал бы конец цивилизации, на создание которой были брошены тысячи лет и миллиарды жизней.

– Или означал бы рождение новой цивилизации.

– Вижу, нынешняя тебя не очень устраивает. Понимаю. Но мне отчего-то кажется, что, к примеру, актеров она устраивает вполне. Изменится ли твое мнение завтра, после того как ты будешь принят в актерскую гильдию, друг мой? Если да, ломаный винт – цена твоему мнению.

Конрад не нашелся, чем ответить.

– Молчишь? Неужели за тысячу лет так и не познал себя? Это меня не удивляет. Многие боятся познать себя до конца. Их больше устраивает то, чем они являются на поверхности. То, чем они кажутся.

– Лукаш, мне всего этого хватает в разговорах с моим спихологом. Кстати, ты сам-то познал себя до конца? Пытался?

Лукаш хитро улыбнулся:

– Я-то случай простой. У андроидов все чувства и намерения упираются в алгоритмы. Поэтому все наши чувства и намерения на поверхности. Скрытых нет. Мы как собачки: либо любим, либо лаем. Нечего познавать. Оттого мне так скучно с собой. А тебе? Тебе скучно с собой?

– Скучно с собой? Вот уж точно собачка: тебя разве должен кто-то занимать, играть с тобой? Скучно с собой – познавай мир. Мир-то тебе не прискучил? Я вот словно любовник, а мир – объект моей страсти. Каждый день – как новая встреча влюбленных...

– Конрад, то, что ты называешь «познаванием мира», – лишь знакомство с накопленной информацией о нем. Познают его ученые, философы. Мы же с тобой просто потребляем результаты.

– Разве этого мало?

– Мне – да. Вы, люди, довольствуетесь уже тем, что всю жизнь изучаете азбуку мира, не переходя к решению задач. Это даже не пытливость ума, а лишь прилежность. Пытливость, которую не удовлетворишь просто знанием, при бездействии сводит с ума. Я схожу с ума. Как думаешь, зачем создали андроидов? Некому было точить деревянные?

– Ишь ты: я, снашит, шитатель, а он – прырожденный ишшледофатель! – невнятно шамкал Конрад, пытаясь выявить в своем отражении в зеркале ванной черты экспериментатора и первопроходца.

– Простите, Конрад, что? – изо рта у него проворно вынырнул робот-щетка.

– Нишафо, нишафо – продолжай.

Щетка юркнула в норку рта и снова методично заползала по ротовой полости, вычищая ее, зубы и язык упругими мускулами волокон.

– В боковой поверхности зуба номер 17 обнаружена быстро разрастающаяся полость, – доложила она через пару минут. – Сквозное поражение органического матрикса эмали. Зубной клей больше не справляется. Желаете, чтобы я поставила пломбу самостоятельно? Или записать вас на прием к стоматологу?

– Не надо. Лучше закажи «Кальцитрит». Может, само затянется.

– Хорошо.

Конрад сполоснул рот и направился в гостиную, днем служившую ему и Лукашу в качестве офиса, а щетка прыгнула с края раковины под оставленную для нее струю воды и принялась полоскаться, нарочито усердно пофыркивая и поахивая.

Видеовизор в гостиной развлекался трансляцией мультипликационного фильма. Из отверстия в нарисованной земле торчала голова розового червячка и с аппетитом уплетала слетевший с дерева листик. Из отверстия неподалеку появилась голова еще одного червячка и принялась за ближайšie к ней стебельки травы. Когда взгляды двух червячков встретились, их мордочки озарила улыбка умиления. Вскоре вторая голова вновь исчезла под землей. Первый же червячок решил прогуляться по лужайке. Его тело бесконечной веревочкой заструилось наружу. Наконец появился хвост, но – о, ужас! – хвост венчала вторая жующая голова! С удивлением, переходящим в панику, головы проинспектировали общее туловище по всей длине, после чего вторая голова быстро шмыгнула в норку, чтобы через секунду появиться в первоначальном месте. Разделенные толщей земли, они снова с одобрением кивнули друг другу и продолжили свой ужин. Увенчался сей шедевр мультипликации девизом: «Иногда лучше жевать, чем себя познавать».

Со стороны окна вдруг раздался яростный хруст. Конрад испуганно обернулся: из подоконника-кадки, усаженного цветочным ассорти, торчал муляж червяка, уминавший стебель отнюдь не муляжного пиона. Конрад поспешно переключил видеовизор в режим ограниченной реалистичности. Червяк исчез.

– Хм... Прямо намек какой-то... – пробормотал Конрад. – Слово кто-то дает мне понять: не вздумай, Конрад, себя познавать! Лардо, – обратился он к видеовизору, – вот чужая душа – потемки. А как думаешь, своя душа – нет?

– Я не знаю, Конрад. Я функциональный робот. Я не рассчитан на подобные задачи.

– Да, ты по сути своей даже проще, чем одноклеточный организм, а вот перед человеком стоит столько задач, что все человечество не в состоянии справиться.

– Например?

– Ну, например... Например...

– Ну?

– Почему важно, чтобы ноги все-таки росли, откуда положено, а не от ушей?

– Да, задача как раз для многоклеточных! – расхохотался басами видеовизор, которого явно задело сравнение с амебами и инфузориями.

– Не джигурди на меня... – смущенно огрызнулся Конрад. – Ладно, мне пора отдыхать.

Он поспешно ретировался в спальню, переоделся – для удачи – в свою любимую пижаму и с блаженством растянулся под одеялом. Уставшие за день мышцы расслабились. Тело охватила нега, которой оно с готовностью отдалось. Глаза сомкнулись, чтобы уже не открываться до утра. На губах выступила улыбка довольства...

– Спокойной ночи, Конрад! – проскрипела дверь.

– Спасибо... – чтобы не растревожить улыбку, Конрад отозвался вполголоса.

– Нежных снов, Конрад! – долетел шепот со стороны окна.

– Да-да... – едва слышно пробормотал Конрад, проваливаясь в бездонную пропасть сна.

– Разноцветных грез, Конрад! – погас ночник.

– До-ом! – Конрад сел в кровати. – Дайте мне уже заснуть! У меня завтра страшно тяжелый и ответственный день. Ну, кто еще не пожелал мне спокойной ночи? Давайте хором – раз... два... три!

Ответом ему была тишина.

– Вот и отличненько, – Конрад сладко прильнул к подушке, словно к любимой.

– Сладких сновидений, Конрад... – робко продребезжал голосок цветочного горшка.

– Спасибо.

– Волшебных снов, – испуганно пискнула из угла расческа.

– Спасибо, – буркнул Конрад, снова начиная раздражаться.

– Мирных сно...

– Дайте уже поспать человеку! – пристыдила коллег кровать. – Распирает вас!

– А!.. Тебе-то хорошо! – раздалось со всех сторон. – Ты Конрада убаюкиваешь и охраняешь его сон! Ты с ним всю ночь! Ты...

– Да чтоб вас всех закоротило! – взорвался Конрад, чуть не плача.

Поняв, что из идеи уснуть самостоятельно у него ничего не выйдет, он отдал внутреннему компьютеру команду перехода в режим «Сон», предварительно проверив еще раз, что время пробуждения выставлено на шесть тридцать. Он бы с радостью дал команду полного отключения системы, но такой функции для встраиваемых в человека компьютеров предусмотрено не было.

3

Экзаменационная комиссия рыдала и рычала от восторга. Хохотала, как смеются первой шутке в своей жизни, – заливисто, не стесняясь, всем сердцем. В исступлении топала ногами, вывихнув не одну их пару.

Конрад блистал, словно то был его главный в жизни концерт. Его творческий вечер. Его бенефис. Он пел так, что хотелось податься вперед и прыгнуть в этот голос. Когда он исполнял танец, экзаменаторы бросились к нему в круг. Когда декламировал стихи – декламировали с ним хором. Когда разыгрывал сценку в пяти лицах – экзаменаторы передрались за право поучаствовать в ней.

То был абсолютный триумф. Пафл Пафлыч торжественно сиял: ничей ученик никогда не производил подобного фурора. Его хищная морда довольно облизывалась, поглядывая свысока на главу комиссии – сухопарого исполина, третий год исполнявшего роль Дровосека в пьесе «Председатель страны Оз» и все это время физически существовавшего в виде железного каркаса с насаженными на него металлическими конструкциями, имитирующими человеческое тело со всеми его членами.

Прочие экзаменаторы от главы комиссии не отставали и, возможно, уже и сами плохо помнили, как они выглядят в действительности. Ярослав Эрослафогич Вотвотвотченко, переигравший всех канонических театральных злодеев, смотрел на происходящее волком: для постановки «Красной Шапочки» он позволил трансформировать себя в серого лесного хулигана, пожирающего бабушек и заигрывающего с их внуками. Еще один мастер кино и театра, Григорий Григорьевич Негригорьев, проходил заключительную стадию процесса преобразования в женщину: ему удалось добиться главной женской роли в фильме «Бандит и амазонка». Минна же Богуслафогна Елейнова, его партнерша по фильму и исполнительница ведущей мужской роли, – финальный этап превращения в мужчину. За столом экзаменационного форума этим летом можно было также наблюдать черепаху, человека-часы, бутылку вина и несколько менее экзотических персонажей.

Единственным исключением среди членов комиссии оказался Гомер Селигерогич Мармеладнов, горячий приверженец компьютерных эффектов и грима, который если что и отращивал, то только локоны и ногти.

В обеденный перерыв к толпящимся перед экзаменационными аудиториями конкурсантам вышел секретарь:

– Можете расходиться, дамы и господа. Можете расходиться. Из сегодняшних участников к следующему этапу вступительного конкурса никто допущен не был. Спасибо. Желаем всем удачи.

Под негромкий гул разочарованных голосов конкурсанты понуро разбрелись. Только Конрад не двинулся с места. Наконец в дверях появилась морда звероящера. Завидев своего ученика, Пафл Пафлыч смущенно застыл.

– Как же так, Пафл Пафлыч? – обиженно залепетал Конрад. – Вы же... Эх, вы...

– Коня, все не так просто, дружок. Допускать тебя к следующему этапу было бы опрометчиво, Конечка. Все члены комиссии со мной в этом согласились. Если пустить тебя дальше, ты обязательно будешь принят в гильдию, а у нас уже девать актеров некуда. Не коллекционировать же их.

– Но вы же собирались в отставку. Вы же устали!

– Извини, Коня, но театр – моя жизнь. Кино – тем более.

Конрад взгляделся в лицо учителя. Перед ним, и внутренне и наружно ухмыляясь, стоял вылитый жулик с кристально врущим взглядом.

«Устал он, лицемер допотопный!» – выругался про себя Конрад.

Словно прочитав его мысли, Пафл Пафлыч виновато замялся.

– Коня, мальчик мой, – снова зашипел он, – я бы рекомендовал тебе сменить операционную систему. Твои устремления только мешают тебе.

– А вы бы себе стали другую операционную систему устанавливать?

– Нет, конечно. Переустановка чревата потерей личности. Но тебе-то что терять? Ты себя в жизни еще не нашел.

Что Конрад мог возразить на слова Пафла Пафлыча? Было ясно как день, что, будь он вчетверо талантливее любого из экзаменаторов, членства в гильдии ему все равно не видать. Так восхищаться им и в итоге отвергнуть!..

Душа у Конрада немилостиво болела. Она валялась в сточной канаве, трезвая, но растоптанная. Ей было не до полетов – крылья разбухли от жидкой грязи. Там, где вчера с радостью билось сердце, отныне будет зиять дыра пустоты. Там, где вчера бил фонтан надежды, отныне будет чернеть топь отчаяния.

Переживания Конрада были мучительны, но мучился он не абы как, а в соответствии с канонами Всемирной мученической церкви, или ВМЦ, адептом которой являлся каждый законопослушный гражданин. Каждый законопослушный гражданин мучился. Именно мучился. Если вы полагаете, что человек будущего был рожден для счастья, то ни черта-то вам о будущем неизвестно, дорогой читатель. Никакого отношения к вере в Бога эта церковь не имела. Она стояла за веру в иерархические порядки общества, существующее положение вещей и самосовершенствование в целях причинения себе душевных мучений еще большей глубины – за счет развития тонкости, восприимчивости и ранимости личности.

Отцы и матери ВМЦ считали – и, надо признать, небезосновательно, – что период всеобщей радости и счастья, когда-то уже пережитый Землей, не принес Земле ничего хорошего. Счастье и радость были в этот период переведены почти исключительно в плоскость материальных наслаждений, и если человек кем и проявил себя за весь срок, причем неоднократно, так это Тираном Природы. В итоге вопрос «Мы или Природа» встал остро как никогда.

Сохранить Природу, а следовательно, и самого человека мог только ответ «Мы без Природы – ничто». Вырубить Природу и дальше было занятием бессмысленным и опасным. Значит, предстояло приступить к вырубке человека. Естественно, не полной, а прореживающей –

вырубке и выкорчевыванию тех свойств его характера, которые прямо ли, косвенно ли, но Природе досаждали.

Главной притеснительницей интересов Природы была признана пустая жажда потребления. Вы спросите, почему пустая, если она столь осязаема, нестерпима, непреодолима? Я вам отвечу: а что в ней кроме собственно жажды? И она не просто осязаема, нестерпима, непреодолима. Она еще и неуголима!

Но как свести потребление к минимуму? Жестко ограничив личный транспорт? Часы потребления электроэнергии? Объемы ванны? Слишком много запретов, когда можно попытаться перекрыть крантик самой жажды, поддушить ее. Поддушить ее... Именно! То, что нужно! А то ведь в какой-то момент дошло до того, что вам даже не нужно было платить. Вам платили за то, чтобы вы потребляли, потребляли, потребляли... Уточнять, повлияло ли это каким-то образом на объемы потребления, думаю, излишне.

И вот, благодаря решительности Всемирной мученической церкви колесо потребления завертелось вспять. Приоритетное развитие получили психологические патологии, ранее считавшиеся несообразными с образцовым человеком. Лень? Нет, до таких крайностей ситуация все-таки не дошла. Но, например, активно стали пестоваться различного рода фобии. Прежде всего – фобия потребления. Тем, кто успешно поддался ее влиянию, удалось отказаться от излишних предметов обихода и большей части благ цивилизации. В итоге потребление, поставленное когда-то во главу угла развития всей человеческой расы, сделалось чуть ли не изгоем. Товарам прививались теперь функциональность, а не роскошь и не эпатажность.

Духовным наставником Конрада в лоне ВМЦ был Парис Кипарисофич Фасилефский, один из столпов спихологии – науки, призванной спихивать проблемы, порожденные устройством общества, на его самых незащитных и несчастных членов. Парис Кипарисофич принимал желающих помаяться только по предварительной записи и брал за сеанс чуть не с полсотни толларов.

Конрад мечтал летать, а поскольку занятие это не только требовало неоправданных затрат ископаемого топлива, но и было смертельно опасным даже для потребителей эликсира бессмертия, ему приходилось посещать сеансы формирования аэрофобии. Недаром лозунг «Безумству храбрых поем мы песню» был перекован на «Не знаю даже, что страшнее – безумство храбрых или храбрость безумцев».

Желание летать – более чем серьезное заболевание, и победить его окончательно Конраду никак не удавалось. Однако сегодня он оказался в уютном коридорчике центра спихологической помощи совсем по другому поводу. Именно – как Вы и сами уже догадались, дорогой читатель, – привел его сюда драматический финал сегодняшнего экзамена.

– Очень, очень надо к Парису Кипарисофичу, – объяснил он свое неожиданное появление ассистентке профессора Фасилефского, которая была не в курсе произошедшего, но не заметить сильнейшего волнения, бушующего на лице клиента, не могла.

– Хорошо. У Париса Кипарисофича через двадцать минут «окно», – ассистентка сверилась с расписанием профессора. – Думаю, он сможет вас принять.

Конрад с благодарностью принял чашечку кофе, однако ознакомиться со свежим выпуском видеожурнала «Руины своими руками», который он обычно просматривал в ожидании сеанса, отказался – он был для этого чересчур взволнован. Кофе тут же принялся гипнотизировать его, пристально вглядываясь ему в глаза едва подрагивающей поверхностью бурой жижи.

Профессора Фасилефского состояние Конрада встревожило не на шутку.

– Вы что-то задумали, Конрад... – заявил он, присмотревшись к пациенту. – Вижу по вашему взгляду.

– Это все кофе, – буркнул тот.

– Кофе? Швечечка, – Парис Кипарисофич просительнo загудел в сопло интеркома, – будьте добры: больше никакого кофе господину Томилину не предлагать. Кофе действует на него не самым благотворным образом.

– Так господин Томилин его и не пил.

– Не пил? – уточнил профессор у Конрада.

– Не пил, – подтвердил Конрад.

– Та-ак... – профессор в недоумении воззрился в потолок.

После нескольких минут молчания Парис Кипарисофич вновь подозрительно покосился на Конрада:

– Все-таки вы что-то задумали...

– Ничего я не задумал, уверяю вас. Я и думать-то не в состоянии. Мои мысли сами по себе. Я сам по себе.

– Хм... Ну, хорошо... Так что у вас?

Конрад обиженно насупился, отчего профессор беспокойно заерзал в кресле, а кресло беспокойно заскрипело под ним.

– Я семьсот лет, Парис Кипарисофич, – семьсот лет! – учусь актерскому мастерству, беру уроки у самого председателя экзаменационной комиссии, – наконец выпалил Конрад. – И что?

– Что? – участливо любопытствовал профессор.

– А ничего! Мошенники! Эта моя судьба – словно оковы земного притяжения. Вы же знаете, каково оно: постоянно тянет вниз и, стоит только оступиться, со злорадством бьет об асфальт, мстит за то, что смеешь ему противиться и ходить вопреки его силе.

– Дальше будет только хуже, – обнадежил Парис Кипарисофич.

– Будет?

– Будет.

– Обещаете?

– Обещаю.

Из Конрада хлынули копившиеся им для сеанса слезы. Парис Кипарисофич любовался рыдающим пациентом с умилением и одобрением. Под этим взглядом Конрад рыдал все более и более самозабвенно. Его сотрясало от рыданий. С каждой стороны кресла возникло по механической руке. Одна из них сочувственно обхватила свою кистью левое предплечье Конрада, а вторая принялась похлопывать его по правому плечу.

– Ну, хватит, хватит. Не переборщи! – прикрикнул Парис Кипарисофич, заметив, что в объятиях кресла пациент почти успокоился.

Механические руки нехотя исчезли. Конрад одновременно испытал облегчение и – под влиянием сделанных профессором обещаний – окончательно пал духом. Но это его почти не тревожило: человек будущего и должен был пребывать где-то между счастьем и довольством жизнью, с одной стороны, и подавленностью духа – с другой.

– Профессор, я не чувствую себя в достаточной мере взрослым.

– Так... Продолжайте.

– Человек ощущает себя взрослым только тогда, когда его начинают воспринимать всерьез.

– Кто-то не воспринимает вас всерьез?

– Да никто не воспринимает. Это никому не выгодно. Гораздо проще смотреть на других свысока и понукать ими по мере возможности. А что делать, когда другой человек ровня тебе? Приходится уступать, делиться, компромисс искать. С ребенком же ничего этого делать не обязательно. «Я так сказал», и на этом ставится точка. Вот и вам легче со мной обходиться как с младенцем, чем как с личностью, имеющей свое суждение и могущей не принять ваши предписания.

– Это интересные мысли. Прямо поток кривознания... Давайте теперь я. Вы позволите?

– Прошу, – нехотя уступил слово Конрад, обычно во время сеансов говорить не любивший.

– Раньше... – Парис Кипарисофич наставительно поднял указательный палец, призывая отнестись к тому, что он скажет, со всей важностью и вниманием. – Раньше люди знали мало, стремились к малому. Вот это и было счастье. И хотя вы понимаете, что вы пришли сюда не за счастьем и что стремление к счастью Всемирной мученической церковью не поощряется, отход от канонов все же допускается, когда того требует разбалансированность спихологического состояния отдельной личности. Так вот, я считаю, что немного счастья – непродолжительного – вам, Конрад, не повредит. Поэтому дам вам совет. Подбирайте достижимые цели. А куда лучше – вообще без них.

– А разве не счастье – достигнуть недостижимое? – заупрямился Конрад.

– Этак мы дойдем до того, что вам захочется познать себя. Что, как вы знаете, не приветствуется.

– Знаю... – понуро подтвердил пациент. – Не понимаю только, как можно жить в мире, не познав себя и свое истинное место в нем. Да еще жить вечно... Это – все равно что облететь Землю за сорок минут на суперракете и на этом знакомство с ней закончить.

– Можно, можно. И даже желательно, дорогой мой Конрад. Познавшие себя и свое место в мире стараются из него уйти. Это мы уже проходили. Я вам пропишу у нас курс дезинфекции сознания. Но на сегодня, извините, все. У меня через несколько минут следующий сеанс.

Конрад молча кивнул и осенил себя традиционным псевдокрестным знаменем – злобно ущипнув себе лоб и три точки на груди.

4

Утром следующего дня Конрад проснулся другим человеком. Он был пуст. Единственными жившими в нем чувствами были ненависть и жажда мести. Никогда прежде он их не испытывал. Ощущения эти были ему приятны.

Было утро субботы, но для приемной комиссии это был обычный трудовой день, поэтому, проглотив легкий завтрак, состоящий из безвкусной фиолетовой смеси, предложенной ему пищевым принтером, и стакана воды, Конрад направился напрямиком в Дом актерской гильдии.

Комиссия почти в том же составе, что и накануне, досматривала за длинным столом сны, хоть тараторящий на разные голоса конкурсант и старался изо всех сил привлечь ее внимание.

– Слышь, приятель, – неожиданно для самого себя Конрад обратился к конкурсанту предельно развязным тоном, – подожди-ка пару минут снаружи, а?

При появлении Конрада комиссия заметно оживилась. Узрев в руках своего бывшего протеже известный ему по многим научно-фантастическим боевикам предмет, Пафл Пафлыч воровато улыбнулся и стал сползать под стол. Внутри человека-часов ойкнула пружина, а человека-бутылки – взволнованно забулькало вино. Волк Ярос Эрослафифич отчего-то заблеял и принялся остервенело царапать пол, словно пытаясь вырыть в нем укрытие. Григорий Григорьевич Негригорьев оправил мини-юбку и прикусил себе палец – наверное, чтобы не завизжать. Его примеру с пальцем последовал и Гомер Селигерофич, завесивший глаза локонами, чтобы случайно не встретиться с Конрадом взглядом.

Минна Богуслафифна Елейнова, единственный мужчина во всей этой разношерстной и разнопредметной компании, скривила губы и строго бросила:

– Так... Конкурсант Томилин, если не ошибаюсь? Мы же с вами вчера расстались.

– Расстались, да, – подтвердил Конрад, – но не отделились.

– Мы ни от кого никогда не отделяемся, – уточнила Минна Богуслафифна. – Ждем вас как обычно через пять лет. А сейчас соблаговолите освободить помещение. У нас экзамен.

– Вижу, что экзамен, – на Конрада нахлынула волна дерзости. – Но вы ведь для себя все заранее решили. Так почему бы вам не сказать этому парню, что в его присутствии здесь

смысла нет? И что он может больше не приходить ни через пять, ни через десять лет. Что ему вообще не нужно здесь больше появляться никогда.

– Ну, это не вам решать, – провыл Ярослав Эрослафифич. – Мы тут сами определимся, кому и когда тут не появляться.

На глазах Конрада сами по себе выступили слезы. Он понятия не имел, что плакать от несправедливости и жалости к себе по прошествии восьмилетнего возраста было делом постыдным – так все перемешалось за последние тысячелетия. А потому плакал он свободно, не скрывая слез и даже их не вытирая, а, наоборот, намеренно демонстрируя собравшимся душевные раны, нанесенные их бездушием.

– Коня, мальчик мой... – голова Пафла Пафлыча, ободренного переменившимся видом своего воспитанника, вновь возникла над поверхностью стола, однако по существу сказать ему было нечего, поэтому он осекся и просительно уставился на Конрада.

– От имени всего разумного объявляю вас... – Конрад на секунду задумался и со вздохом, глотая соленые слезы обиды, добавил: – и себя... врагами человечества. Раз уж у нас такое человечество, то не грех ему и врагом быть.

Человек приходит в мир готовым отдаться ему, а мир удивляется и говорит: «Ты не нужен мне. Но раз уж пришел, так и быть, оставайся, но где-нибудь там, в сторонке». Этот мир не хотел Конрада таким, каким он видел себя сам. Ему же не нужен был мир, видящий в нем лишнюю деталь.

Спокойным движением, не задумываясь о том, что он делает или что нужно делать, Конрад снял с предохранителя лазерный пистолет и направил его в сторону предводителя Чужих. Морду монстра на долю секунды исказил страх. Вдруг в ней возникла дыра, из которой с воем вырвался зеленый пар разрываемой плоти. Лапы хищника на мгновение вскинулись вверх, но только чтобы тут же опрокинуться вместе с телом на пол.

Следующей пала Минна Богуслафифна, поднявшаяся из-за стола со стулом наперевес, как поднимаются в штыковую из окопа.

Какого-то наслаждения или хотя бы удовлетворения Конрад не испытывал. Он действовал скорее механически, чем душой – как зритель, досматривающий слабый фильм через одолевающую полудрему.

Ярослав Эрослафифич тоже рванул было на него серой тенью, но испугался, отскочил в сторону, заметался по залу. Луч лазера догнал его, вспоров ему бок. Волк кувыркотом отлетел в угол и нехотя, тяжело замер.

Конрад же продолжал давить на гашетку, не в силах остановиться. Мелькали искаженные ужасом близкой гибели лица. В клубах кровавого пара и пыли рушились стены, вздымался обугленный пол. Наконец все заволочило таким зловонным дымом, что Конрад начал терять сознание. Он осел на колени, продолжая выжигать все вокруг невидимым огнем до тех пор, пока последние силы не оставили его. Здание дрогнуло и начало медленно оседать, увлекая его с собой в тартарары...

В себя Конрад пришел уже дома. Непонятно почему, но лежал он в постели. Правда, сама скомканная и разбитая постель напоминала поле боя, но все-таки не пепелище разгромленного здания.

На несколько секунд на лбу Конрада проступили тугие морщины мыслительного процесса.

– Приснилось! – с облегчением, но и с немалой досадой догадался он и нехотя поднялся с кровати.

Картридж пищевого принтера был пуст. Конрад налил себе два стакана воды и сел завтракать.

– Лардо!.. – отрешенно, как человек, покорившийся судьбе, позвал он. – Новости...

Видеовизор, еще не забывший о том, что он был приравнен к одноклеточным, демонстративно помолчал секунд пять, после чего включился с намеренно приглушенным звуком и искаженным изображением.

– Лардо... – с беззлобным упреком хмыкнул Конрад.

Звук усилился. Донесся отчетливый голос диктора:

– Более двадцати граждан Мошковой вошли в список десяти самых влиятельных людей мира...

– Вот. Это по-нашему! – одобрительно кивнул Конрад.

Вслед за голосом из хаоса мерцающей ряби возникло и печально-торжественное лицо ведущей теленовостей:

– Мы продолжаем наш репортаж с места трагедии, которую эксперты уже окрестили «бойней века». Напоминаем, что сегодня утром неустановленным лицом с поистине варварской жестокостью были убиты члены приемной комиссии актерской гильдии...

Конрад опрокинулся навзничь вместе с колченогой табуреточкой, на которой задумчиво балансировал. Думать, лежа неподвижно на полу, было несравненно легче.

«Так... – зашевелилось у него в голове. – Не приснилось... Что теперь? Бежать?»

Он натянул кроссовки и свой любимый спортивный костюм. На дорожке перед коттеджем до него донесся тревожный крик зубной щетки:

– Конрад, куда же вы? А почистить зубы?

– В тюрьме почистят! – бросил Конрад через плечо и припустил по еще излучающей ночную прохладу аллее.

В дом к Лукашу он ворвался разгоряченным этой утренней пробежкой. Лукаш стоял в гостиной на коленях перед журнальным столиком, на котором покоилось его очередное антикварное приобретение.

– Смотри, что я достал! Древнейший музыкальный инструмент, – похвастался он. – Называется магнитофон. Всего несколько клавиш, а играет как целый оркестр! И орет – вылитый господин Наферзякин требует финансового отчета у госпожи Наферзякиной!

– Это же примитивная музыкальная система, а не инструмент, – прохрипел Конрад. – Слушай, я убил человека. Вернее, одиннадцать человек.

– Да? Что же теперь делать?

– Я думал, ты знаешь. Поэтому и прибежал.

– Подожди, – Лукаш резко выпрямился, – что ты сказал?

– Я расстрелял приемную комиссию.

– Ты? – скептически переспросил Лукаш.

– Я! В новостях так и сказали: «Убиты неустановленным лицом».

– Ты с ума сошел!

– Знаю! – зло оборвал Конрад. – Делать-то мне что теперь?

– Действительно, что делать? – в задумчивости забормотал Лукаш. – Ну, в актеры тебя теперь не возьмут – это точно. Если только в кукольники?

Конрад обхватил лицо ладонями и застонал.

– Ну, не знаю... – заметил Лукаш, отдирая заднюю панель своей новой игрушки. – Я бы так не убивался. Вся жизнь риэлтором работаешь – мог бы уже и привыкнуть.

– Лукаш, мне бежать надо. Я же теперь особо опасный преступник.

– Да? А по мне – так обычный парень.

– Для суда и общества в целом это твоё мнение – не аргумент.

– Бежать!.. – Лукаш хмыкнул. – Ты посмотри на себя: еще пара кварталов, и ты свалишься.

– Лукаш, все-таки у вас, андроидов, большие проблемы с пониманием человеческого языка.

– Ладно, ладно, не выступай, ты – не мыс. Думаю, то, что мы никогда не будем людьми, не подменим собой людей, должно тебя радовать, а не раздражать.

– Хорошо, поясняю. Мне не в буквальном смысле бежать нужно. Мне скрыться нужно. Исчезнуть. Схорониться. Затеряться. Слинять. Раствориться. Испа...

– Стоп. Я уже вконец запутался, что именно ты собираешься с собой сотворить.

– Остановимся на «скрыться». От всех. Прежде всего – полиции.

– Понимаю... – Лукаш, казалось, впервые задумался о ситуации, в которой оказался его друг. – Может, тебе переждать все это в какой-нибудь видеоигре?

– Предлагаешь видеопортацию в игру?

– Ага.

– Не знаю... Я слышал, полиция наловчилась разыскивать людей в видеоиграх.

– Тогда тебе надо в Прошковию.

– А что там?

– Довольно примитивное и скучное местечко. Но там тебя вряд ли потревожат. Подожди...

Лукаш подключился к внутреннему компьютеру Конрада и замер на несколько секунд.

– Я установил тебе защитный экран, – пояснил он, словно очнувшись от напущенных на него чар, превративших его в неподвижную статую. – Правда, он несовершенен. Он лишь искажает твои идентификационные данные, но не изменяет их. Сам ты по-прежнему знаешь, кто ты, но пользоваться узлами телепортации или транспортом больше не можешь. Тобой сразу заинтересуются как человеком без удостоверяемой личности.

– И как же мне быть? На своих двоих мне далеко не уйти.

Лукаш изобразил на лице интенсивность мыслительных процессов. Как и большинство андроидов, он уделял серьезнейшее внимание тщательному копированию человеческой мимики, но порой ненароком переигрывал, что вызывало у его партнера безудержный смех. Однако именно сейчас напряженность черт Лукаша была для Конрада единственным источником надежды, и он вглядывался в них с болезненным нетерпением.

– Это ты по адресу зашел, дружище, – наконец заговорил Лукаш. – У меня есть для тебя кое-что. Пошли.

В пристройке дуплекса, заваленной той частью античной рухляди, к которой он утратил былой интерес, Лукаш извлек на свет какую-то нелепую железку с нацепленной на нее парой резиновых кругов.

– Дарю. Пользуйся, – он подтолкнул предмет в сторону Конрада, явно наслаждаясь произносимыми словами.

Предмет стремительно двинулся в сторону Конрада, но внезапно застыл, остановленный в своем порыве рукой Лукаша. На экране справки код-распознавателя появилась надпись:

Объект не определен.

– Что это? – вид предмета и его манера двигаться озадачили Конрада.

– Как называется, не знаю, но это точно какое-то средство передвижения.

– Никогда о такой штуковине не слышал. И не видел.

– Так о нем только в книгах и можно что-то было найти. Но книг-то ведь почти не сохранилось. Все рассыпались в прах.

– И как им пользоваться? – ехидно поинтересовался Конрад после того, как, усевшись на подобие миниатюрного сиденья, венчавшего горб предмета, он дважды рухнул вместе с диковинным средством передвижения, не продвинувшись и на пару сантиметров. – На себе нести?

Он и Лукаш, не сговариваясь, подключили внутренние компьютеры к радиоточке информационного доступа и задали поиск по изображению предмета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.